

Глава 35. Двойная мутация

Цзунъюй, едва завидев ораву рослых незнакомцев, инстинктивно вжался в землю — им овладел панический страх. Однако мгновение спустя зверь уловил перемену: пришедшие разительно отличались от тех живодёров, что загнали его в угол. Мутировавшие животные быстро прибавляли в сообразительности, так что почувствовать разницу для кота не составило труда.

В безнадёжном положении несчастный зверь готов был хвататься за любую соломинку. Он жалобно замыкал, уставившись на Е Цинжана своими сапфировыми глазами. В этом пристальном взгляде мешались тоска, надежда и отчаяние. Сердце Е Цинжана болезненно сжалось от жалости.

Живодёрам только того и надо было — они так и искали повод поглумиться. Одна из девиц, довольно смазливая, резко выбросила ногу вперёд и пнула кота. Цзунъюй пронзительно взвизгнул. На дворе стоял собачий холод, но нахалка щеголяла в высоких ботфортах на шпильке, беззастенчиво оголив бёдра. В её движениях не было и следа девичьей кротости или сострадания — только изощрённая жестокость. Стоявшая рядом подружка с ухмылкой опустила на спину зверя хлыст. Девки не заботились о его здоровье: они знали, что пара шрамов не испортит товарный вид, а богатый покровитель всё равно выложит за экзотическую зверушку круглую сумму.

Е Цинжан с трудом подавил вспышку гнева и заставил себя вежливо улыбнуться.

— И чего вы, такая орава, привязались к несчастному коту? Хотите поймать и выгодно сбыть? Не нужно лишних хлопот. Назовите вашу цену, я заплачу. Я забираю этого зверя.

Один из парней постарше, лениво затянувшись сигаретой, скользнул пренебрежительным взглядом по их потрёпанному минивэну, припаркованному неподалёку, и сплюнул под ноги.

— Слышь, нищеброд, у тебя кишка тонка его купить, — нагло ухмыльнулся он.

Хэ Чэншуан презрительно фыркнул и негромко бросил Е Цинжану:

— Брось, с этой швалью бесполезно разговаривать. Малолетние торчки, они давно продали душу за очередную дозу.

Е Цинжан мгновенно посуровел. Он вспомнил несколько месяцев, проведённых с Хэ Чэншуаном в Тэнчуне. На границе с Мьянмой наркоторговля цвела пышным цветом; героин губил тысячи жизней, а дельцы загребали лопатой кровавые деньги. Хэ Чэншуан всегда держался в стороне от этой грязи, люто ненавидя как торговцев, так и самих опустившихся наркоманов.

Расстояние было небольшим, так что слова Хэ Чэншуана долетели до ушей шайки. Малолетки

насупились, в толпе пронёсся недовольный ропот. Такая поразительная пронизательность чужака невольно заставила их напрячься.

Наглый вожак с сигаретой чуть поумерил спесь, но взгляда не отвёл. Их было почти два десятка, среди них имелись и пробуждённые эсперы — с какой стати им пасовать перед четырьмя заезжими мужиками?

Выпустив из рта сизое облако дыма, он процедил сквозь зубы:

— Три квартиры в черте безопасной зоны — потянешь? Двадцать армейских пистолетов — выложишь? А ещё центнер отборного риса, пять ящиков консервированных фруктов и столько же тушёнки. Ну что, меняемся или как?

Тон вымогателя ясно давал понять: он уверен, что у пришельцев нет и сотой части требуемого.

При этих словах Хуа Ханьчжан помрачнел. Требования были запредельными. Сейчас в любую, даже самую захудалую безопасную зону набивалось столько народу, сколько не снилось мегаполисам в мирное время. В Чэнду квартиры давно перестроили под армейские казармы с трёхъярусными нарами, где в одной душной комнатухе ютилось по десять человек! И эти сопляки требовали целых три квартиры!

Заметив замешательство на лицах гостей, вожак воодушевился ещё сильнее.

— Да бросьте, мужики! Если кишка тонка, нечего тут корчить из себя спасителей! — загоготал он. — Этот зверь — редчайший мутант с двойной эволюцией, физической и магической! Мы полдня корячились, загоняя его в капкан. С какого перепугу мы должны отдавать его за бесценок?

С этими словами он небрежно махнул рукой. Несколько подельников с ухмылками поигрывали железными арматурами и битами, постепенно сжимая кольцо вокруг группы Е Цинжана. Сброд явно не собирался уступать кота, да к тому же надеялся обобрать наглых чужаков до нитки.

Хэ Чэншуан хладнокровно вытащил из-за пояса увесистый стержень из метеоритного железа.

— Квартиры? Вы не заслужили в них жить. Рис? Вы не достойны его жрать. Оружие? Не для таких слизняков, как вы, оно создано. А кот... Кот уже наш.

С тех пор как Е Цинжан выковал для него это оружие, Хэ Чэншуан пользовался им редко, предпочитая решать вопросы огнестрелом. Но сегодня был отличный повод пустить стержень в дело и преподать уличной швали незабываемый урок.

Хэ Чэншуан слегка опустил запястье, перехватив стержень поудобнее. Его спина напряглась,

как натянутая тетива, готовая к мгновенному броску. Е Цинжан скользким движением снял с пояса гибкий хлыст и застыл рядом, опустив руку. Цзян Жоюй лишь невозмутимо размял кулаки, собираясь драться голыми руками. Хуа Ханьчжан отступил на пару шагов назад, сорвал из-за плеча длинный лук и в мгновение ока натянул тетиву — острая стрела нацелилась прямо в переносицу курящего главаря.

Увидев, как слаженно и грозно ошетичилась четвёрка, бандиты растеряли былую весёлость. Напряжение в воздухе сгустилось, сменившись слепой яростью. Та самая девица с хлыстом, которая только что измывалась над Цзунъюем, отличалась взрывным нравом. Шагнув вперёд, она с диким визгом замахнулась и обрушила плеть на Хэ Чэншуана.

Е Цинжан холодно взглянул. Он неуловимо взмахнул рукой — гибкий хлыст, сплетённый из жил и усаженный острыми костяными шипами, подобно разъярённой гадюке взмыл в воздух, намертво перехватив чужую плеть. Девка не ожидала столь молниеносного отпора: она потеряла равновесие и невольно подалась вперёд. Устояв на ногах, она с яростным рыком рванула оружие на себя.

Е Цинжан ощутил колоссальное натяжение. Не тренируйся он упорно изо дня в день, этот рывок сорвал бы его с места и выставил на посмешище. Обычной девчонке такая мощь была недоступна. Стало ясно, откуда в ней столько спеси — перед ними была эспер физического типа, наделённая сверхчеловеческой силой.

Горе-воительница забыла древнюю мудрость: на всякую силу найдётся сила посильнее. Раз уж она решила поиграть мускулами, Е Цинжан не собирался её щадить. Пустив мощный поток деревянной духовной энергии по правой руке, он резко переставил ноги и сделал короткое, выверенное движение назад. Силачка взвизгнула от резкой боли в запястье — кожа между большим и указательным пальцами лопнула, и её хлыст вырвался из окровавленной ладони. Потеряв опору, девица нелепо взмахнула руками и с размаху шлёпнулась задом в ледяную грязь.

С момента обретения способностей ей никто не осмеливался давать сдачи, и подобного унижения она ещё не знала. Высокие, неудобные шпильки сыграли с ней злую шутку: извиваясь от злости и стыда, она никак не могла подняться, беспомощно суча конечностями, точно перевёрнутая на панцирь черепаха, при этом подол её короткого платья задрался, выставляя напоказ всё сокровенное.

Хэ Чэншуан с безразличным равнодушием окинул её взглядом и бросил:

— Жалкое зрелище.

Вожак с сигаретой опешил, однако перед своей бандой пасовать не желал. В рукаве у него был припрятан козырный туз — смертоносный трюк, который ещё ни разу его не подводил. Обретя былую уверенность, он выхватил нож и резким выпадом бросился на Хэ Чэншуана. Трое его подручных одновременно взмахнули оружием, намереваясь быстро раскидать остальных троих чужаков один на один.

Хэ Чэншуану было плевать, на что рассчитывает этот глупец. Слегка качнувшись в сторону, он легко разминул с неумелым, вялым выпадом. Прошлого Хэ Чэншуана было связано с жестокими схватками против настоящих головорезов, привыкших ходить по лезвию ножа. Противостоять этой уличной рванине без капли боевой подготовки для него было детской забавой — он уложил бы их за пару минут даже без магии, а уж теперь и подавно.

Пропустив клинок мимо себя, Хэ Чэншуан на излёте чужого удара впечатал стержень прямо в предплечье вожака. Тяжёлое боевое оружие из метеоритного железа весило добрых десять килограммов. Даже трети силы Хэ Чэншуана хватило, чтобы кости противника с сухим хрустом треснули. Бандит взвыл от боли, но на чистом адреналине он метнул левую руку вперёд, выпуская скрытое металлическое лезвие. Оно полетело Хэ Чэншуану в грудь плоской стороной вперёд — казалось, абсолютно безвредный и нелепый жест отчаяния.

Однако в следующую долю секунды случилось непредвиденное. Лезвие, которое должно было просто отскочить от одежды, прямо в воздухе изогнулось, плотно прижалось к груди Хэ Чэншуана и, повинувшись невидимому кукловоду, устремилось вверх — прямо к его яремной вене!

В этом и заключался коварный секрет главара. Перенеся две тяжелейшие лихорадки, он открыл в себе способность мысленно манипулировать мелкими металлическими предметами. Этот запрещённый приём не раз спасал ему жизнь и гарантировал победу. Он толком не понимал природу своего дара и помалкивал о нём, опасаясь, что военные затащат его в лабораторию для опытов.

Столкнувшись со смертельной опасностью, Хэ Чэншуан даже бровью не повёл. Концентрируя внутреннюю энергию, он заставил пространство у себя на груди вспыхнуть яростным синим светом — крохотная сфера из чистой молнии соткалась прямо вокруг лезвия. Электрический разряд намертво заблокировал металл, заставив его зависнуть в воздухе и мелко вибрировать. Бандиты ошалели от увиденного, да и Хуа Ханьчжан, впервые наблюдавший за настоящим боем Хэ Чэншуана, застыл в изумлении от такой невероятной мощи.

Главарь похолодел. Он сразу понял, что этот хмурый верзила обладает схожим даром, но превосходит его на несколько голов. Парень отчаянно попытался вернуть контроль над парящим лезвием, но ментальная связь оборвалась напрочь.

Шатнувшись на пару шагов назад, вожак замялся: трусливая душонка требовала немедленно уносить ноги, но расставаться с редчайшим мутантом было невыносимо жаль. Но Хэ Чэншуан не собирался давать ему время на раздумья. Синий сполох разорвал полумрак — лезвие, окутанное остаточными разрядами тока, прочертило в воздухе стремительную дугу. Стоявшие рядом девки увидели лишь, как их вожак в ужасе расширил глаза и беззвучно открыл рот. Из его горла вырвался лишь хриплый, kloкочущий стон: металлическая пластина по самую рукоять ушла ему в гортань. На землю хлынула горячая тёмная кровь, окрашивая грязный снег и наполняя морозный воздух резким металлическим запахом смерти.

Смерть наступила мгновенно. Тело парня повалилось навзничь, глухо ударившись о мёрзлую землю. В толпе раздались испуганные девичьи вскрики. Самые трусливые из банды начали

пятиться, выискивая пути к отступлению. Но один из отморожков, окончательно лишившись рассудка от жадности, решил пойти ва-банк: он резко взмахнул огромным брезентовым мешком, пытаясь накрыть им притаившегося Цзунъюя — даже под страхом смерти паскуда надеялся сорвать куш. Хуа Ханьчжан заметил это краем глаза. Прищурившись, он отпустил тетиву. Лёгкая стрела со свистом вонзилась в край мешка и намертво пригвоздила плотную ткань к земле. Мародёр, крепко державший брезент обеими руками, не ожидал такого рывка, потерял равновесие и нелепо растянулся на коленях в грязи.

Цзян Жоюй проследил за траекторией стрелы и слегка нахмурился. Из всей их четвёрки Хуа Ханьчжан был единственным, у кого на руках не было крови. Даже когда за ним охотились те наёмники, они выполняли приказ доставить его живым, поэтому не стреляли на поражение; сам же А-Хуа тогда лишь бежал, не пытаясь уничтожить преследователей. Во время второй стычки он и вовсе провалился без сознания от начала до конца.

В его душе ещё жило табу на убийство себе подобных. Бессмысленная жестокость — порок, но Цзян Жоюй прекрасно понимал: излишняя мягкотелость в эпоху конца света обходится слишком дорого. Ему не хотелось, чтобы Хуа Ханьчжан осознал эту истину, заплатив за неё собственной кровью. В искусстве выживания и безжалостности юноша уступал не только Хэ Чэншуану и самому Цзян Жоюю — даже миролюбивый Е Цинжан стоял на голову выше него. Чёрт возьми, да любая подворотная шваль из этой шайки при необходимости прирезала бы человека не задумываясь!

Худшие опасения подтвердились. Поняв, что стрелок пощадил его жизнь, мародёр обнаглел окончательно. Выдернув застрявшую стрелу, он с утроенным безумием бросился на кота. Мерзавец рассудил просто: если заложник окажется у него в руках, эти громилы не посмеют сделать и шагу, опасаясь за жизнь ценной зверушки.

Столь наглое пренебрежение пощадой взбесило Хуа Ханьчжана. Следующий выстрел был безжалостен: пущенная стрела со свистом пробила ладонь мародёра насквозь, намертво пришив её к злосчастному мешку. Парень истошно завопил на весь пустырь. Картина получилась трагикомичной: тяжеленный брезент теперь буквально «вырос» из его искалеченной левой руки. Чтобы освободиться, нужно было вытащить наконечник или сломать древко, но у трусливого подонка не хватало духу даже прикоснуться к ране. Его подельники в панике жались друг к другу, не решаясь подойти и помочь раненому, и лишь тупо глазели на то, как тот исходит криком.

Тем временем Цзян Жоюй без лишнего шума и пыли переломал хребты ещё двум бросившимся на него подонкам. Потеря пяти сильнейших бойцов окончательно надломила дух банды. Оставшиеся полтора десятка отморожков напоминали побитых псов — паника росла с каждой секундой, и от былой самоуверенности не осталось и следа.